Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 23.03.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-49-53

ВОРОБЕЙ Светлана Николаевна,
Доцент кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия, e-mail: s.d.vorobej@gmail.com

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. *Исследование действующего правового механизма применения в отношении участников уголовного судопроизводства мер безопасности, а также опыта зарубежных стран по данному направлению позволяет автору данной статьи обосновать вывод о необходимости уточнения алгоритма действий органов предварительного расследования об избрании данных мер после принятия заявления от потерпевшего (свидетеля) или их близких родственников, а также обосновывается необходимость закрепления на уровне федерального закона норм, которые бы обеспечили защиту участников уголовного судопроизводства в случае реальной угрозы жизни и здоровью их и их близких.*

Ключевые слова: *применение мер защиты, зарубежный опыт, участники уголовного процесса, сторона обвинения, реальная угроза жизни и здоровью потерпевшего (свидетеля), регламент рассмотрения заявления.*

VOROBEI Svetlana Nikolaevna,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, named after P.A. Lupinskaya, Candidate of Law, Associate Professor, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia

ON IMPROVING THE PROCEDURAL MECHANISM FOR APPLYING STATE PROTECTION MEASURES TO PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *Based on the analysis of the criminal procedural mechanism for applying protective measures to participants in criminal proceedings and the study of foreign experience in this area, the author of the article states the importance of clarifying the procedure for the actions of the investigative body in terms of applying state protection (security) measures to participants in criminal proceedings, and also substantiates the need to enshrine at the federal level norms that would ensure the protection of participants in criminal proceedings in the event of a real threat to the life and health of them and their loved ones.*

Key words: *application of protective measures, foreign experience, participants in criminal proceedings, the prosecution, a real threat to the life and health of the victim (witness), clear regulations for considering the application.*

В Российской Федерации правовая база, регулирующая меры, направленные на государственную защиту участников уголовного процесса, включает два базовых федеральных закона: от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов [3] (далее – ФЗ № 45) и от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2] (далее – ФЗ № 119).

В частности, чтобы обеспечить эффективную защиту судьи или сотрудника правоохранительного органа, принимающего участие в расследовании уголовного дела, в отношении него необходимо избрать ту или иную меру безопас-

ности, о которой говорится в ФЗ № 45. Так, для того чтобы себя защитить, судье может быть выдано оружие. Мерой обеспечения безопасности в данном случае также может служить охрана жилища или объектов собственности. Кроме того, в целях защиты судей или должностных лиц правоохранительных органов, их могут помещать временно в безопасные места. Мерой безопасности может быть избрано изменение внешности или смена места жительства. Также можно произвести замену документов [3].

Международный пакт о гражданских и политических правах содержит положение, по которому государство несет ответственность за обеспечение эффективной правовой защиты любого лица, если оно столкнулось с нарушением его прав и свобод [1].

Следует подчеркнуть, что по смыслу ч. 2 ст. 186 УК РФ, в случае если имеет место угроза насилия или противоправных действий, которую получил потерпевший или свидетель, а равно близкие данных лиц, следователь вправе использовать контроль и запись телефонных разговоров. В данном случае важно, чтобы об этом лицо, нуждающееся в защите, заявило самостоятельно, в письменном виде или чтобы суд данные действия следователя санкционировал.

Право на применение одновременно нескольких (стандартных или дополнительных) мер безопасности закреплено в п. 9 ч. 1, ч. 2 ст. 6 ФЗ № 119 [2]. Полагаем, чтобы обеспечить надлежащий уровень безопасности судей, сотрудников правоохранительных органов и их семей необходимо создать правовые предпосылки для реализации в отношении них мер безопасности, аналогичных по степени строгости тем, которые реализуются в отношении потерпевших (свидетелей) или их близких родственников. В этой связи для усиления защиты судей, сотрудников правоохранительных и надзорных органов предлагается пересмотреть содержание статьи 5 ФЗ № 45 с целью последующего расширения перечня мер безопасности, посредством включения в него контроля и записи телефонных переговоров, а также фото-, аудио- и видеофиксации, включая использование киносъемки. Введение таких мер направлено на обеспечение надежной защиты для указанных в ст. 1 настоящего Закона субъектов.

Согласимся с мнением Т.А. Шмаревой, которая указывает на то, что, несмотря на широкий круг мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, их практическая эффективность вызывает сомнение [10, с. 692].

Д.С. Ланшаков считает, что реальная государственная защита исчерпывается там, где начинается оценка реальности выдвигаемых угроз [9, с. 150].

Анализ судебно-следственной практики показал, что решения судов о пересмотре постановлений следователя по применению или отмене мер государственной защиты в отношении потерпевших и свидетелей нередко направлены на отмену вынесенного следователем постановления о применении мер безопасности. Это происходит, чаще всего, из-за того, что судьи по-разному интерпретируют реальность заявленной угрозы. Суды также отмечают несоблюдение следователями сроков отмены мер защиты, а также указывают на некорректный подход следственных органов к оценке существующей опасности для жизни и здоровья потерпевшего (свидетеля).

Так, в ходе расследования уголовного дела следователь не обнаружил сведений о реальной угрозе для жизни и здоровья обвиняемого Гавриленко Д.И., связанной с его процессуальным положением. Суд первой инстанции пришел к выводу о наличии в материалах дела достоверных и допустимых доказательств того, что угрозы, высказанные в адрес Гавриленко Д.И. его сокамерниками, действительно представляли опасность его жизни и здоровью. Выводы следователя, выдвинутые сотрудником Следственного отдела Октябрьского района Новосибирска, были опровергнуты предоставленными доказательствами. Наличие объективных данных свидетельствует о реальной опасности для Гавриленко Д.И., обусловленной его участием в уголовном процессе по рассматриваемому вопросу [5].

Также примером может служить то, что кассационный суд Российской Федерации, отменяя приговор суда первой инстанции, подчеркнул, что отсутствие свидетельских показаний погибшей Н., являющейся жертвой преступления, само по себе не может служить основанием для оправдания обвиняемого по статье 119 УК РФ. Суд акцентировал внимание на том, что чтобы угроза была квалифицирована как уголовно наказуемое деяние, необходимо не только доказать ее существование, но и установить умысел виновного на запугивание потерпевшего, а также наличие такой формы угрозы, которая могла бы вызвать у него обоснованный страх ее реализации. Для того, чтобы оценить все нюансы дела, в том числе выяснить, имели ли у потерпевшего веские основания для беспокойства за свою безопасность, требуется тщательное и комплексное изучение всех обстоятельств дела [6].

Еще в одном случае, Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор, вынесенный Н. Шарипову. Судебная коллегия посчитала, что суд первой инстанции ошибочно квалифицировал обычные разговоры как угрозы, которые могли бы нанести вред жизни и здоровью. В кассационном постановлении подчеркивается, что, несмотря на то что суд первой инстанции анали-

зировал доказательства вины Шарипова, его оценка этих доказательств признана односторонней и неоднозначной [7].

Делая акцент на проблеме, связанной с оценкой реальности угрозы, высказываемой в адрес потерпевшего и на правовой регламентации мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, А.Ю. Епихин высказывает мнение, что существующие уголовно-процессуальные правила не в состоянии исчерпывающе разрешить эти проблемы. С точки зрения автора, сама концепция российского законодательства и закрепляемый им правовой механизм применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве порождают различные риски, связанные с их реализацией [8]. Получается, решение «проблемной ситуации» автор видит в пересмотре норм УПК РФ.

Принимая во внимание оценочный характер «реальности» угрозы и отсутствие четких правовых критериев, по которым можно было бы оценить ее степень, полагаем необходимым включение в раздел III УПК РФ «Доказательства и доказывание» новой статьи 90.1 с закреплением в ней круга обстоятельств, указывающих на наличие и реальность угроз участникам уголовного судопроизводства и применение в отношении них мер безопасности (государственной защиты). Данную статью предлагается именовать «Обстоятельства, подлежащие доказыванию с целью применения мер безопасности к участникам уголовного процесса». Ее норма должна содержать следующее: «использование мер государственной защиты в отношении участника уголовного судопроизводства осуществляется при наличии следующих факторов: наступление события (угрозы), представляющее собой реальную опасность; характер и содержание этой опасности, а также установление обстоятельств, указывающих направленность данной угрозы на конкретное лицо в связи с тем, что оно является участником уголовного судопроизводства; цель высказанной угрозы и степень опасности этой угрозы, а также необходимость уточнения вида угрозы и способа ее выражения, а равно установление и других обстоятельств, которые подтверждают ее реальность и наличие».

В данном случае постановление следователя о запуске механизма государственной защиты участников уголовного процесса будет законным и обоснованным, поскольку будет основано на полном наборе фактических доказательств, которыми реальность этой угрозы будет подтверждена.

Полагаем, это создаст правовые предпосылки к тому, чтобы постановление следователя о применении механизма государственной защиты в отношении того или иного участника уголовного процесса полностью соответствовало закону и имело законные основания. Основанием для такого решения станет комплексный анализ всех имеющихся фактических данных, которые подтвердят существование реальной угрозы для участников уголовного процесса.

Кроме того, действующее законодательство страдает от недостатка четких правил, регламентирующих порядок использования мер государственной защиты для участников уголовного процесса.

Нормы, которая бы четко регулировала порядок и сроки рассмотрения заявления потерпевшего (свидетеля) о применении в отношении него и членов его семьи и близких родственников мер государственной защиты ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» - нет.

Считаем, в данном вопросе полезным может стать опыт Республики Казахстан. Проведенный анализ показал, что в УПК республики Казахстан статья 79 устанавливает четырёхчасовой срок для того, чтобы следственные органы приняли заявление от потерпевшего или его близких родственников и назначили необходимые меры безопасности не позднее 24 часов [4]. Считаем, аналогичная норма должна получить закрепление в ст. 16 ФЗ № 119. Представляется, что, предусмотрев четкий алгоритм действий следственного органа на этом этапе, выбор мер безопасности и защита участников уголовного судопроизводства, о которых говорится в ст. 2 ФЗ № 119, станут более эффективными.

Также предлагается изменить название статьи на «Основания и порядок применения мер безопасности», а также включить в неё п. 2.1, изложив его в следующем виде: «в случае принятия следственным органом мер государственной защиты, закрепленных ФЗ № 119, надзирающий прокурор в течение суток, с соблюдением конфиденциальности данных, должен быть об этом уведомлен. Применение защитных мер может быть инициировано самим лицом, нуждающимся в защите, или с его официального письменного согласия. Если самостоятельно выразить согласие нельзя, то в этом случае решение о том, чтобы применить защитные меры, следует принимать, предварительно приняв заявление от лиц, которые состоят в близком родстве с подзащитным лицом, поскольку эти лица эмоционально близки. Альтернативным вариантом применения мер безопасности является письменная форма согласия данных лиц. Участие лица, не достигшего возраста 18 лет, может иметь место лишь в том слу-

чае, если будет иметь место письменная форма согласия родителей либо опекунов несовершеннолетнего. Если родители (опекун) не явились, то разрешение на применение мер безопасности выносится на основании предложений, поступивших из органов опеки и попечительства».

Таким образом, по результатам проведенного анализа, в качестве мер, направленных на совершенствование законодательства, регулирующего применение мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства, предлагается использовать опыт, накопленный в этом направлении в Казахстане. Изучение уголовно-процессуального законодательства этой станы, в частности, ст. 79 УПК Казахстана, показало, что в ней закреплена четкая последовательность действий следователя и прописаны временные промежутки, которые отводятся для принятия заявления от потерпевшего и на принятие решения о применении к нему той или иной меры безопасности. Так, казахстанский законодатель отводит на принятие заявления от потерпевшего 4 часа, и еще 24 часа предусматривает на то, чтобы мера безопасности в отношении данного лица или его близких была избрана. Учитывая это, считаем, этот опыт необходимо заимствовать российскому законодателю. В связи с вышесказанным предлагается внести изменения, закрепив аналогичную норму в ст. 16 ФЗ № 119.

Также предлагаем внести корректировку в ч. 1 ст. 5 ФЗ № 45, предусмотреть в п. 8 этой статьи норму, которая позволит использовать для безопасности участников уголовного процесса контроль и запись телефонных и иных переговоров, фото-, аудио- и (или) видеозапись, киносъемку. Также рекомендуется ст. 5 ФЗ № 45 дополнить новой частью 2, где закрепить норму, позволяющую применять меры безопасности, как до начала, так и во время, и после того как будет окончено предварительное следствие, либо судебное разбирательство. Чтобы избранная мера безопасности соответствовала степени поступившей угрозы, необходимо скорректировать норму ст. 5 ФЗ № 45. Считаем, в ней должна быть закреплена часть 3, где будет говориться о возможности применения дополнительных мер безопасности, если это не противоречит с ФЗ № 45 либо другим нормам российского законодательства.

Данные рекомендации направлены на повышение эффективности правовых норм, регулирующих защиту законных прав представителей судейского корпуса и сотрудников органов предварительного расследования.

Исходя из анализа судебно-следственной практики по применению государственной защиты (мер безопасности), обосновывается вывод об отсутствии у правоприменителя единой позиции в оценке реальности угроз, высказываемых в адрес потерпевшего, а также на ошибки, допускаемые судами при оценке реальности таких угроз. В этой связи говорить об эффективном применении мер государственной защиты участников уголовного судопроизводства вряд ли возможно. Исправить ситуацию, как представляется, поможет включение в раздел III УПК РФ «Доказательства и доказывание» новой статьи 90.1 с закреплением в ней круга обстоятельств, указывающих на наличие и реальность угроз участникам уголовного судопроизводства.

Список литературы:

[1] «Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 07.02.2026).

[2] Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 07.02.2026).

[3] Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 07.02.2026).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. URL: http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm. (дата обращения: 07.02.2026).

[5] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.06.2022 № 88А-12780/2022 по делу № 2а-4897/2021 URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 20.01.2026).

[6] Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2024 № 7У-10916/2023. URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 20.01.2026).

[7] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12.10.2011 № 35-О11-22. URL: http://consultant.ru. (дата обращения: 20.01.2026).

[8] Епихин А.Ю. Новеллы законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства: комментарий и предложения // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. 2020. № 4. С. 30-34.

[9] Ланшаков Д.С. Понятие и содержание системы мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 7. С. 150-151.

[10] Шмарева Т.А. Использование свидетельских показаний при доказывании по уголовным делам // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. № 5. С. 692-693.

References:

[1] "International Covenant on Civil and Political Rights (adopted by 16.12.1966 Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly). URL: http://consultant.ru. (accessed on: 07.02.2026).

[2] Federal Law No. 119-FZ of 20 August 2004 "On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings." URL: http://consultant.ru. (accessed on: 07.02.2026).

[3] Federal Law No. 45-FZ of April 20, 1995 "On State Protection of Judges, Law Enforcement and Regulatory Officials." URL: http://consultant.ru. (accessed on: 07.02.2026).

[4] Code of Criminal Procedure of the Republic of Kazakhstan No. 231-V dated July 4, 2014. URL: http://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks.htm. (accessed on: 07.02.2026).

[5] Cassation ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 30.06.2022 No. 88A-12780/2022 in case No. 2a-4897/2021 URL: http://consultant.ru. (accessed on: 20.01.2026).

[6] Cassation decision of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of 17.01.2024 No. 7U-10916/2023. URL: http://consultant.ru. (accessed on: 20.01.2026).

[7] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.10.2011 No. 35-O11-22. URL: http://consultant.ru. (accessed on: 20.01.2026).

[8] Epikhin A.Yu. Short stories of legislation on state protection of participants in criminal proceedings: comments and suggestions//Activities of internal affairs bodies to ensure the safety of persons subject to state protection in modern conditions: questions of theory and practice. 2020. № 4. S. 30-34.

[9] D.S. Lanshakov. Concept and content of the system of security measures for participants in criminal proceedings//Gaps in Russian legislation. 2019. № 7. S. 150-151.

[10] Shmareva T.A. Use of testimony in evidence in criminal cases//Bulletin of Udmurt University. Economics and Law series. 2019. № 5. S. 692-693.

